

АЛЕКСАНДР ФЕРСМАН

Воспоминания о камне

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 549
ББК 26.31
Ф43

Ферсман А.

Ф43 Воспоминания о камне / Александр Ферсман. — М. ;
СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. —
181 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-02955-3

Книга «Воспоминания о камне» — это яркие и занимательные воспоминания, накопленные за почти пятьдесят лет работы, о разведках полезных ископаемых и поисках самоцветов, а также о встречах с учеными и энтузиастами камня, самоотверженно овладевающими богатыми недрами Урала, Средней Азии и особенно Кольского полуострова. Эта книга — научная лирика, замечательная по глубине истинно поэтического чувства и по изяществу формы. Научная популяризация сочетается в этой книге с интригой путешествия за географические и научные горизонты, смелость прогнозов А. Е. Ферсмана — сродни жюль-верновской, а прозорливость доказана временем.

УДК 549
ББК 26.31

От автора

Не читайте эту книжку так, как читают увлекательный роман, подсмотрев его конец, а потом залпом — от первой страницы до последней.

Не читайте ее так — между делом, между газетой и радиоконцертом, между телефонным звонком и деловым разговором.

А читайте тогда, когда просто хочется отдохнуть, набраться новых впечатлений, окунуться в совсем иной, новый, мало кому знакомый мир.

Воспоминания о камне — история целой жизни, история своеобразной любви к природе, искания разгадок природных тайн в течение почти пятидесяти лет.

Такую книгу можно решиться писать, когда жизнь в основном уже прожита, когда последние отзвуки старых переживаний сливаются и заглушаются торжествующими волнами новых идей и побед человека нового поколения. И в этих могучих звуках настоящего, в ярко сверкающих красках сегодняшнего дня растворяются эти картины прошлого так, как тонут неясные контуры утренних миражей в ярких солнечных лучах прекрасного дня.

И все же в этих воспоминаниях так много пережитого, передуманного, так много прошлого, которое любишь не потому, что оно было, а потому, что в нем были ростки нового, светлого будущего!

Москва

Март 1940 г.

Искры прошлого*

Темная, бурная ночь. Холодно, угрюмо и мрачно.

Плотно закутавшись в свой плед, сидит он, после тяжелой болезни, в кресле у окна, а за окном мириады снежинок носятся в вихре, то тихо и плавно падая на холодную землю, то снова в дикой пляске целыми потоками вздымаясь кверху, выше зеленых верхушек замерзших сосен, выше шпилей затерянных в лесу домов.

И, как эти снежинки, проносятся в его воспоминаниях картины прошлого, — нет, не самые важные и решающие моменты в его жизни, а тысячи каких-то мелочей, которые врезались в память ярче и резче самых сильных событий, — какие-то отдельные искры прошлого, царапины, которые не изгладились из памяти, хотя нередко ничтожны были сами причины и еще незаметнее были их следы.

* Очерк написан в марте 1938 г. Он служит как бы введением ко всей книге.

* * *

...Я вижу себя шестилетним мальчиком, на берегу моря, около Афин; весь берег Елевсинской бухты усыпан серой и белой обточенной галькой, а я забавляюсь, бросая плоские камешки в тихо набегающую волну.

— А знаешь ли ты, что все эти камешки — мрамор? — говорит мне отец, и слово «мрамор» врезается мне в память, как острый шип шиповника. — Это не простой камень, это тот мрамор, из которого построен Акрополь в Афинах...

«Мрамор, мрамор...» Я не могу успокоиться, перестаю бросать камешки, собираю лучшие, обточенные водой, бережно кладу их в спичечную коробку и храню, храню как талисман много десятков лет!

* * *

...Бал-премьера в Московском Большом театре. Молодой студент впервые среди роскоши и богатства московского купечества и знати! Залиты ярким электричеством залы театра, сверкают, переливаются тысячами огней бриллианты и самоцветы на обнаженных плечах.

— Вот посмотри, это княгиня Юсупова. Сине-зеленые камни — старые изумруды Колумбии, а среди них сверкает замечательный камень — бриллиант древней Голконды. Вот это кольцо, что так мертвенно блестит на шее этой красавицы, — это алмазы из Южной Африки, среди них известный солитер* в пятнадцать

каратов чистой голубой воды; смотри, все-таки мертвы эти алмазы Капа, и не сравнятся им со старой Индией. Смотри, вон два камня, как капли крови, и смотри, какой нежной они окружены оправой из алмазных роз, как гармонируют они с этим выточенным как бы из слоновой кости греческим профилем. И как ярко горят они из-под черных вьющихся волос! Вот эта брошь известна всей Москве. Это гранатовый кабошон* из Бирмы или Сиама (Таиланд); вокруг него как-то незаметно вьется струйка из дивных индийских бриллиантов. Говорят, что пришлось заложить два имения, продать часть своих фабрик иностранцам, чтобы купить эту замечательную брошь у индийского раджи. Впрочем, что говорить, — много слез и крови скрывается за блестящим огнем самоцветов; пожалуй, помнят это еще наши бабушки, но и они не любят рассказывать...

Я был первый раз на балу, меня туманили эти камни, этот нежный запах тончайших духов, этот мягкий колорит привезенных экспрессом из Ниццы фиалок, меня дурманили слова моего спутника, одного из представителей московской знати, его намеки на то, что эти камни много могли бы рассказать о себе веселого и страшного, могли бы оживить много картин страсти и гнева, злобы и преступлений.

— Ну пойдем! — сказал мне мой спутник, с усмешкой смотря на мое растерянное лицо. — Я вижу, тебе не по нутру эта роскошь.

* Кабошон — драгоценный камень, выпукло отшлифованный без граней.

Наконец мы на Риддере. Целый день, стигая спины, ходим мы по подземным ходам, следим за мощными жилами серебристой свинцовой руды, собираем в пустотах и расщелинах кристаллики горного хрусталя, цинковой обманки, — мы целиком под впечатлением алтайских богатств. Все-таки как хорошо, когда снова выходим на солнышко: как ослепительно ярко горят снега Белков, шумит, бежит Громотуха, ласково и пышно разливается вокруг нас дивная алтайская природа, полная красок и цветов.

— Ну, теперь осталась только обогатилка! Там на столах Вильфлея ты увидишь, что делается с нашей рудой.

Дрожит деревянное здание дробилки, мощные щеки из марганцовистой стали сжимают в своих неумолимых тисках серую, невзрачную руду. Грязный водный поток увлекает растертую руду по желобам на большие столы — они медленно, как-то неверно качаются, то содрогаясь судорожными движениями, то снова плавно покачиваясь на своих неустойчивых осях. Дрожат, мечутся в беспорядке кусочки руды: одни, что полегче, уносятся в потоках воды, другие тяжело падают на дно, расстилаясь по поверхности стола. Вот полоса черной цинковой руды, она занимает почти весь стол, — руда редких металлов: кадмия, галлия и индия. Дальше идет блестящая стальная полоса — это тяжелый свинцовый блеск с серебром, а по самому краю какой-то замечательной змейкой, яркой, тонкой, сверкающей, как искусная оправа, медленно плывут частички чистого золота...

Прошло с тех пор больше двадцати лет, но я не могу забыть этой сверкающей струйки настоящего золота...